

18+

Ник Нил

Кровь дракона

Ник Нил

Кровь дракона

«Издательские решения»

Нил Н.

Кровь дракона / Н. Нил — «Издательские решения»,

Чтобы спасти угасающий мир, Первый Клинок Ордена Печати Ронсеваль отправляется в Выжженные земли за кровью последнего потомка Дракона. Но добытая эссенция оказывается проклятием: Верховный регент Альтус использует ее для создания абсолютной тюрьмы, обрекая себя и рыцаря на вечную агонию. Вырвавшись из адамантиновой клетки с осколком чужой души внутри, Ронсеваль понимает страшную истину: спасенный им мир построен на бесконечной боли одного существа.

© Нил Н.

© Издательские решения

Содержание

Ник Нил	6
Кровь дракона	7
Глава 2. Эхо в залах из кости	10
Глава 3. Вес пустого стекла	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Кровь дракона

Ник Нил

© Ник Нил, 2026

ISBN 978-5-0071-4093-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ник Нил

Кровь дракона

Глава 1. Драконья кровь: путь через боль и пепел

Печать на Вратах Рассвета истончалась. Ронсеваль чувствовал это не как маг, а как старая кость чувствует перемену погоды — тупой, грызущей болью в левом плече, там, где двадцать лет назад его зацепило дыхание первого павшего дракона. Артефакт угасал, и вместе с ним угасали щиты Семи Королевств.

Три дня он гнал коня сквозь Серую Падь. Здесь не было ни пыльных бурь, ни сухих ветров — воздух здесь просто закончился, превратившись в густую взвесь праха. Выжженные земли встретили их абсолютной тишиной. Даже копыта вязли в сером пухе беззвучно. Лира ехала по левую руку, кутаясь в шаль из паучьего шелка. Ее ведьмовская сила корчилась от здешней пустоты. Она сжимала амулет из черненого серебра так, что побелели костяшки, и безостановочно шептала защитные слова, сплетая вокруг них хрупкий пузырь пригодного для дыхания воздуха.

— Здесь что-то есть, — сказала она вдруг, оборвав заклинание на полуслове. Голос прозвучал глухо, словно уши заложило ватой. — Чувствую дрожь земли. Но это не зверь. Это... память камня.

Они нашли его у руин храма Старых Богов. Тот сидел прямо на обломках алтаря, привалившись спиной к барельефу, изображающему расколотое солнце. Он кутался в лохмотья, которые когда-то могли быть дорогим сукном. Не чудовище, не исполин с чешуей цвета меди — просто человек. Изможденный, с запавшими щеками. Глаза его были темнее самой ночи, лишенные белков, они казались двумя провалами в бездну.

Он поднял голову на звук их шагов. Сухие губы дрогнули.

— Ты пришел за кровью, — прохрипел он без злости, констатируя факт. — Я знаю. От тебя пахнет отчаянием и старой бронзой.

Ронсеваль кивнул. Его пальцы сами собой скользнули к рукояти меча, проверяя привычную тяжесть стали. Сталь была единственным честным аргументом в этом мертвом мире. Лира шагнула вперед, выставив перед собой ладонь, будто хотела остановить не рыцаря, а саму надвигающуюся беду.

Потомок усмехнулся. Горькая, глубокая трещина искривила его губы. В этой усмешке не было превосходства, только бесконечная, вселенская усталость.

— Драконье наследие — это проклятие, — проговорил он тихо. Хриплый звук эхом отразился от мертвых камней. — Не честь. Оно выжигает изнутри всё человеческое, оставляя лишь голод и ярость. Мой дед пожрал собственную стаю, прежде чем сгореть дотла.

Он закатал рукав грубой рубахи. Кожа под ней была бледной, почти прозрачной, но под ней бугрились узлы вен, черных от древней силы. По ним не текла кровь — казалось, там медленно ползет сама тьма.

— Возьми, — сказал потомок. — Пусть твоя Печать заберет и мою боль. Ей все равно недолго осталось.

Ронсеваль застыл. Меч дрогнул в его руке впервые за десять лет. Идеальный баланс клинка внезапно показался чужеродным. Кодекс Ордена требовал отсечь дракону голову, собрать эссенцию сердца, упокоить угрозу. Кодекс молчал о том, что делать, если дракон сам подставляет горло и просит об услуге.

— Я не хочу убивать тебя, — выдавил рыцарь. Слова царапали пересохшее горло.

— Тогда просто возьми, — ровно ответил потомок, протягивая руку над разбитой чашей алтаря. — И уходи. Пока я не передумал или пока земля не решила поглотить нас всех.

Лира достала из седельной сумки хрустальный сосуд. Толстое стекло, испещренное рунами сдерживания, тускло мерцало в полумраке. Она поставила его на камень.

Потомок провел когтем по своему запястью. Рана раскрылась бесшумно. Первая капля упала в хрусталь — тяжелая, маслянистая, темно-рубиновая, почти черная. Она не разбилась о дно, а потянулась вниз густой нитью. Капля за каплей падала в сосуд, и каждая звенела, как чужой приговор. Звон этот отдавался не в ушах, а прямо в затылке, пробирая до основания черепа.

Ронсеваль стоял навывтяжку, чувствуя, как невидимая свинцовая тяжесть ложится на плечи. Он смотрел, как жизнь уходит из этого человека, перетекая в холодный кристалл ради спасения тех, кто давно забыл дорогу к этим руинам. Он не спаситель. Он собиратель чужих страданий, гробовщик чужих надежд.

Сосуд наполнился до краев. Кровь внутри него больше не двигалась, став похожей на кусок вулканического стекла. Звук падения капель оборвался, и наступившая тишина стала оглушительной. Давление спало, позволив наконец сделать глубокий вдох.

Потомок Дракона откинулся на камни. Чернота ушла из его вен, оставив после себя лишь смертельную бледность. Он дышал мелко, часто, как выброшенная на берег рыба.

— Иди, — прошептал он, закрывая глаза. На ресницах оседал серый пепел. — Пусть мир будет спасен. Не ради меня. Ради того, чтобы им никогда не пришлось стать такими, как мы.

Лира подошла к Ронсевалю. Ее тонкие, холодные пальцы нашли его латную перчатку и настойчиво сжали, возвращая рыцаря в собственное тело. Они повернулись спиной к руинам, к умирающему наследнику великой погибшей расы.

Но Ронсеваль все равно оглянулся.

Человек среди камней смотрел им вслед. Он не пытался встать. В этом взгляде не было ненависти к убийце своего рода, не было мольбы и не было благодарности святого мученика. Только бесконечная, выцветшая от времени усталость. Взгляд существа, которое слишком долго удерживает небо собственными плечами.

И Ронсеваль понял две вещи.

Первая: это не последняя встреча. Судьба уже связала их незримой, тугой нитью, пропитанной черной кровью. Когда печать падет окончательно, ему понадобится нечто большее, чем артефакт древних королей. Ему понадобится тот, кто понимает природу огня.

А вторая мысль пришла мгновением позже, холодной змеей скользнув вдоль позвоночника.

В хрустальном сосуде, надежно притороченном к седлу, пульсировала не просто эссенция магии. Там билась цена будущего мира. И Ронсеваль знал историю достаточно хорошо, чтобы понимать: печати, скрепленные ценой чужой боли и купленные добровольно отданной жизнью, всегда требуют возврата долга. Обычно — в самый неподходящий момент.

Глава 2. Эхо в залах из кости

Столица пахла розмарином, горячим воском и страхом.

За те десять дней, что Ронсеваль отсутствовал, Золотой Шпиль словно осел в землю. Купола храмов потускнели под слоем жирной копоти, а вечно шумная Торговая площадь встретила рыцаря звенящей пустотой. Лавки были закрыты тяжелыми дубовыми ставнями, окна верхних этажей — заложены мешками с песком. Горожане передвигались перебежками, низко надвинув капюшоны, стараясь не смотреть на небо. Они боялись не войны за стенами. Они боялись того, что уже давно жило внутри.

Ронсеваль въехал в дворцовый квартал через Малые врата для гонцов. Стража у ворот даже не попыталась преградить ему путь: Орден Печати имел право прохода везде, особенно сейчас, когда время измерялось ударами сердца умирающего мира. Он бросил поводья подбежавшему конюху, кивнул Лире, и они вошли под своды Цитадели.

Здесь тишина была иной. Если снаружи она звенела отчаянием, то здесь давила позолотой и властью. Коридоры Королевского крыла вымостили костями павших героев прошлых войн — мрачная традиция Семи Королевств, призванная напоминать живым о цене покоя. Сейчас этот камень казался насмешкой. Покой закончился три дня назад в Серой Пади.

Верховный Регент ждал его в Зале Тысячи Свечей.

Альтус сидел в кресле из резной кости грифона, закутанный в белое золото парадных одежд. На вид ему можно было дать шестьдесят, но магия двора держала его между жизнью и смертью уже третий век. Когда двери распахнулись, Альтус медленно открыл глаза. Его зрачки сузились до точек, впиваясь в фигуру рыцаря.

— Ты вернулся, — голос регента был сухим, как шелест пергамента. В нем не было вопроса, только усталая констатация. — Я слышал колокол Западного бастиона час назад. Камень основания пошел трещинами. Еще неделя, может быть, две. Потом Древние войдут в тронный зал прямо сквозь пол.

Он перевел взгляд на Лиру. Ведьма стояла ровно, но ее амулет нагрелся докрасна, реагируя на концентрированную силу дворца.

— Ведьма Первой главы... Твои сестры предупреждали меня, что ты приведешь скверну к самому сердцу власти. Надеюсь, твоя защита выдержит эхо этой склянки.

Лира ничего не ответила, лишь плотнее запахнула шаль.

Ронсеваль шагнул вперед. Сосуд он нес не в руках, а в специальном свинцовом ларце, обитом изнутри бархатом. Холод артефакта пробивался даже сквозь толщу металла, заставляя латную перчатку примерзать к защелке. Рыцарь опустился на одно колено. Звук удара стали о кость прозвучал в огромном зале неприлично громко.

— Кровь получена, мой регент, — произнес Ронсеваль ритуальную фразу. — Цена уплачена добровольно.

— Добровольно? — тонкие губы Альтуса искривились в подобии улыбки. — Драконе отродье само вскрыло себе вены ради спасения тех, кто сжигал их гнезда тысячу лет назад? Как трогательно. Поднимись. Дай мне это.

Рыцарь поднялся. Замок ларца щелкнул с металлическим лязгом. Внутри, в углублении черного бархата, покоился хрустальный сосуд. За дни пути кровь внутри загустела, превратившись в идеальный многогранник темно-рубинового цвета. Она больше не двигалась, но Ронсеваль чувствовал пульсацию — медленную, тяжелую, отдающую болью в собственных зубах. Это билась чужая усталость.

Альтус протянул руку. Его пальцы, униженные перстнями-печатами, замерли в дюйме от стекла. Воздух между ними и артефактом пошел рябью.

— Не смей дышать, ведьма, — процедил регент, не оборачиваясь. — Одно лишнее слово, и твой дух развеется по камню этого зала.

Он коснулся сосуда.

В ту же секунду свечи в зале погасли все разом, погрузив пространство в абсолютный мрак. Ронсеваль услышал, как Лира судорожно втянула воздух, сдерживая крик. Но темнота продлилась меньше вдоха. Вспышка ударила по глазам багровым светом.

Когда зрение вернулось, Ронсеваль увидел, как кровь покидает свою тюрьму. Она не вылилась. Она вытянулась вверх тонкой алой иглой, пронзая воздух. Жидкость текла против законов физики, устремляясь прямо к груди Альтуса. Регент запрокинул голову. Его рот раскрылся в беззвучном крике, золотые зубы блеснули в багровой вспышке.

Артефакт работал. Багровая нить оплетала регента сложным узором, впитываясь в кожу, выжигая на ней древние руны Печати. Старый маг дрожал, его тело выгнулось дугой, ломаемой невидимой силой. По мраморному полу зазмеились черные трещины. Кости героев под ногами застонали, просыпаясь от тысячелетнего сна.

Сосуд в руках Ронсевала стремительно пустел, становясь легче пушинки. Вместе с весом уходило и давление на плечи. Впервые за много дней рыцарь почувствовал себя свободным, но эта свобода принесла с собой ледяной ужас. Он смотрел, как жизнь потомка Дракона перекачивается в тело бессмертного тирана.

Поток оборвался так же внезапно, как и начался. Хрустальная чаша стала абсолютно прозрачной, мертвой. Альтус рухнул обратно в кресло, тяжело дыша. Белоснежные одежды регента покрылись сетью тонких красных прожилок, похожих на капилляры. Руны Печати теперь горели на его грудной клетке тусклым, болезненным золотом.

Трещины в полу начали затягиваться. Издалека, со стороны Западного бастиона, перестал доноситься тихий, сводящий с ума гул распадающегося камня. Мир выровнялся. Давление исчезло.

Альтус открыл глаза. Теперь в них плескалось холодное, чистое пламя чужой древней силы. Он посмотрел на свои руки, затем на Ронсевала. Улыбка вернулась на его лицо, но теперь в ней не было ни капли человеческого.

— Идеально, — прошептал регент новым, вибрирующим голосом, от которого стыла кровь. — Щиты крепче адамантина. Мои кости снова помнят молодость. Вы спасли корону, Первый Клинок. Можете идти.

Ронсеваль принял пустой ларец. Пальцы сами сжались в кулак. Он выполнил приказ. Он принес лекарство. Но глядя на обновленного, пульсирующего хищной мощью регента, рыцарь понимал страшную истину.

Они не спасли мир. Они просто дали безумному богу бесконечный запас топлива. И тот голодный, тяжелый взгляд человека среди серых камней вдруг показался Ронсевалью единственным источником света в сгущающейся тьме.

— Мой регент, — голос рыцаря прозвучал хрипло. — Наследие...

— Наследие заперто там, где ему и место, — отрезал Альтус, жестом отпуская их. — А теперь вон. Ваше присутствие оскорбляет чистоту восстановленной Печати.

Ронсеваль развернулся. Лира молча последовала за ним, ее плечи впервые за долгое время были напряжены до предела.

Выходя из Зала Тысячи Свечей обратно в коридор, выложенный костями, Ронсеваль остановился. Он положил ладонь на холодный череп какого-то древнего генерала.

Печать удержана.

Но цена оказалась куда страшнее боли и пепла Выжженных земель. Цена называлась «безнаказанность».

Глава 3. Вес пустого стекла

Серая Падь пахла иначе.

Ронсеваль понял это, как только копыта его коня ступили на пепел за пределами досягаемости столичных стен. Здесь не было запаха розмарина и воска, но не было и удушливой пыли страха. Воздух Выжженных земель стал плотным, тяжелым, пропитанным озоном — так пахнет воздух перед ударом молнии в самый центр бури. Земля больше не стонала от истощения. Она вибрировала.

— Он изменил частоту мира, — тихо произнесла Лира. Она сидела позади рыцаря, обхватив его руками за пояс, чтобы не упасть на крутом спуске. Ее голос звучал глухо из-за натянутого на лицо шарфа. — Регент не просто залатал дыру. Он вплеп кровь твоего знакомого в самую ткань реальности. Теперь Древние по ту сторону Врат слышат совершенно другую песню. И она им очень не нравится.

Ронсеваль ничего не ответил, лишь сильнее сжал коленями бока коня. Три дня обратного пути они молчали. Слова казались слишком громкими, слишком неуместными после того безмолвия, что царило в Зале Тысячи Свечей. Рыцарь чувствовал себя обманщиком, который продал королю фальшивое золото, а теперь обнаружил, что подделка оказалась настоящим философским камнем, способным превратить столицу в руины куда быстрее, чем вражеская армия.

Они разбили лагерь в низине, там, где серые дюны сходились к остоу мертвого дерева. Ронсеваль развел костер из сухих корней, хотя тепла почти не чувствовалось. Огонь здесь всегда горел синим.

Лира достала из сумки тот самый хрустальный сосуд. Теперь он был абсолютно прозрачен, чист настолько, что казалось, внутри него никогда ничего не было. Ни единого пятнышка, ни одной алой прожилки. Идеальная стерильность смерти.

— Я проверила его утром, пока ты седлал лошадей, — сказала ведьма, протягивая склянку рыцарю. — Магии ноль. Эфирная плотность выровнялась до уровня обычного речного песка. Мы принесли регенту... ничто.

Ронсеваль взял сосуд. Стекло обожгло пальцы ледяным холодом, никак не вязавшимся с теплым вечерним воздухом. Он поднес его к глазам, всматриваясь в толщу хрусталя. Там, глубоко внутри, на самой грани видимости, ему почудилось движение. Не пульсация крови, а медленное, тягучее вращение микроскопической черной пылинки.

«Я собиратель чужих страданий», — вспомнил он свои мысли в храме. Какая жестокая ирония. Самым большим страданием оказалось то, которое он принес во дворец сам.

— Что будет дальше? — спросил Ронсеваль, опуская руку. — Когда щиты станут абсолютными?

Лира долго смотрела в огонь. Тени плясали на ее осунувшемся лице.

— Дальше Печать станет тюрьмой, Первый Клинок. Альтус думает, что запер Древних снаружи. Но кровь потомка... она помнит зов. Чтобы удерживать такую мощь, регенту при-

дется постоянно подпитывать контур. Сначала он выпьет магию столицы. Потом вытянет жизнь из своих советников. А когда живые закончатся, Печать начнет пожирать само время этого пласта реальности. Мир застынет. Остановится смена сезонов, перестанут стареть дети, ветер забудет, как дуть. Мы получим вечность, выкованную из агонии одного-единственного существа, чья боль теперь стала фундаментом нашего мироздания.

Она замолчала. Синее пламя костра отражалось в ее зрачках.

— Ты чувствуешь это? — вдруг спросила она совсем другим тоном.

Ронсеваль отложил пустой сосуд. Он положил ладонь на рукоять меча, но затем медленно разжал пальцы и прижал руку прямо к земле.

Пепел под ладонью был горячим.

Это была не лихорадка выгоревших земель. Это был гнев. Глубинный, тектонический гнев планеты, у которой украли право на естественную смерть. Каждая песчинка вокруг Цитадели теперь знала имя того, кто выжил в Серой Пади. Кровь связала их невидимой нитью, и эта нить работала в обе стороны.

— Он жив, — хрипло сказал рыцарь. — Иначе земля бы успокоилась окончательно. Если бы донор умер, резонанс бы затух. Но он перекачал свою силу и остался... половиной самого себя. Истощенным куском мяса посреди камней.

— Которого мы бросили умирать, — закончила Лира. На ее губах появилась горькая усмешка. — Поздравляю, Ронсеваль. Ты спас королевство ценой создания нового бога из своего старого врага. И теперь этот бог голоден, а твой «покойник» внизу почему-то все еще дышит. Прекрасный расклад для Первого Клинка Ордена.

Ронсеваль смотрел на свои руки. Кожа на костяшках потрескалась от ветра, суставы ныли к перемене погоды. Десять лет назад он дал клятву защищать людей от огня. Сегодня он смазал петли дверей этого огня кровью, чтобы врата закрывались бесшумно.

Он посмотрел на запад, туда, где за горизонтом скрывался черный шпиль Цитадели.

— Мы возвращаемся, — внезапно решил рыцарь.

Лира удивленно вскинула брови:

— Во дворец? Чтобы преклонить колено перед новой статуей безумца? У тебя нет полномочий свергать регента, Рон. Тебя четвертуют на площади раньше, чем ты успеешь вытащить клинок.

— Мне не нужен клинец против Альтуса, — Ронсеваль поднялся. Его тень легла на ведьму тяжелой, давящей массой. — Мне нужна голова того, чьей кровью он умылся.

Лира замерла, осознавая масштаб катастрофы.

— Ты сошел с ума. Идти в Выжженные земли, искать полумертвого дракона, чтобы...

— Чтобы убить его по-настоящему, — закончил за нее рыцарь. Голос его стал твердым, лишенным всяких сомнений. — Артефакт пуст. Щиты держатся на остаточной силе. Если источник боли исчезнет, связь между регентом и землей оборвется. Без живого якоря Печать рухнет через сутки. Да, Древние войдут внутрь. Да, столица превратится в пыль. Но это лучше, чем та вечность, которую нам дарит Альтус.

Ведьма медленно поднялась на ноги. Она подошла к своему коню, отвязала флягу с водой и сделала долгий глоток.

— Для человека, который три дня назад говорил «я не хочу убивать тебя», ты удивительно быстро пришел к идее двойного жертвоприношения, — заметила она, закручивая крышку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.